

Л. П. Маринович

ГРЕЧЕСКИЕ НАЕМНИКИ В КОНЦЕ V — НАЧАЛЕ IV вв. до н. э.

(Имущественные отношения и социальный состав)

Основным источником для изучения греческого наемного войска на рубеже V и IV вв. до н. э. является «Анабазис» Ксенофонта. Как и другие сочинения Ксенофонта, «Анабазис» имеет ярко выраженный тенденциозный характер. Это сказывается на освещении проблем социального строя Греции, в критике недостатков демократии, в провозглашении превосходства аристократических институтов, в лаконофильстве Ксенофонта.

Как автор «Анабазиса» Ксенофонт помимо общей своей концепции проводит идеи о превосходстве эллинов над варварами, о необходимости похода против персов, преувеличивает собственную роль в походе и свои военные способности и, что особенно важно для рассматриваемой темы, стремится представить наемников в лучшем виде. Но несмотря на субъективизм и тенденциозность автора, «Анабазис» является источником исключительно важным для изучения истории наемничества именно потому, что Ксенофонт был плотью от плоти и кровью от крови этих солдат. Кроме того, события похода греков, все обычные стороны военной и хозяйственной жизни наемников не должны были подвергнуться какому-либо тенденциозному освещению. Ценность «Анабазиса» как точного исторического источника сейчас считается общепризнанной¹.

«Анабазис» подвергался многостороннему исследованию: его использовали, например, для выяснения политических и философских взглядов Ксенофонта², для характеристики племен, населяющих Малую Азию и Закавказье³, для изучения истории военного дела⁴. Много писали об отступлении «десяти тысяч». Детально изучался их путь, выяснялись

¹ P. Masqueray, Xénophon, Anabase, I, P., 1930, стр. 16—17; М. И. Максимова, Ксенофонт и его «Анабазис», в кн. Ксенофонт, Анабазис, М.—Л., 1951, стр. 241 сл.

² J. Luccioni, Les idées politiques et sociales de Xénophon, Ophrys, 1946, стр. 33 сл.

³ М. И. Максимова, Античные города Юго-восточного Причерноморья, М.—Л., 1956, стр. 118 сл.

⁴ W. Rüstow u. H. Köchly, Geschichte des griechischen Kriegswesen von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhos, Aarau, 1852; J. Kromayer u. G. Veith, Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer, München, 1928; Г. Дельбрюк, История военного искусства, I, М., 1936, стр. 139—140, 144 сл.

мельчайшие подробности⁵. Однако из поля зрения историков в значительной мере выпали сами действующие лица — наемники. Если ученые и останавливались иногда на вопросе организации наемного войска, на характере, морали и поведении наемников⁶, то данные об их экономическом положении и различном имущественном состоянии почти не рассматривались. Парк — автор единственной обстоятельной монографии по истории греческого наемничества доэллинистического времени — в главе «Век Кира II и Дионисия I»⁷ тоже в общем ограничился историей похода. Показательны также работы по «Анабазису», вышедшие за последние 15 лет. Их авторов интересует главным образом выяснение датировки, композиции и тенденции этого произведения⁸.

Между тем «Анабазис» дает возможность поставить вопрос о материальном положении наемников Кира, об их имущественной дифференциации, т. е. в конечном счете вопрос о причинах, толкнувших тысячи людей на службу в наемном войске.

«Анабазис» рассказывает о наемниках на службе не у греков, а у персов. Своеобразные условия службы в Малой Азии должны были определить некоторые специфические черты «десяти тысяч», однако характер отношений внутри армии и, что особенно важно, имущественное положение были сходны для всех наемников изучаемого периода. Поэтому наемников Кира Младшего следует рассматривать как типичное явление.

Ксенофонт указывает, что большинство воинов пошло в наемники не из-за нужды (*οὐ σπάνι βίον*), а потому, что они наслышались о щедрости Кира. Некоторые из них оставили родителей, а иные покинули и детей, чтобы накопить для них богатство (Хен., *Anab.*, VI, 4, 8).

Прямых указаний на различное имущественное положение наемников сравнительно немного: так, после битвы при Кунаксе, когда греки сожгли часть обоза, чтобы обеспечить движение, некоторые воины дарили лишние вещи нуждавшимся (III, 3, 1). Далее, Ксенофонт в речи перед лохагами Проксена после убийства 5 стратегов говорил, что лишь у немногих есть средства на покупку продовольствия (III, 1, 20), третье свидетельство такого же характера — V, 1, 6.

В значительной мере имущественным неравенством можно объяснить разногласия в войске, возникавшие по поводу дальнейших планов. В Котиоре при попытке основания колонии часть хотела остаться до тех пор, пока не соберет достаточно средств для содержания семьи, другие выступили за немедленное возвращение домой, третьи согласны были остаться совсем (V, 6, 15 сл.). Таким образом, здесь выступают три группы наемников, различных по своему положению, — одних ничто не ждет на родине, и они готовы остаться жить на новом месте, другие являются более обеспеченной частью войска, наконец, большинство мечтало о возвращении домой, но не с пустыми руками, а лишь после того, как цель, ради которой они рисковали, была бы достигнута. У них еще был

⁵ A. B o u c h e r, *L'Anabase de Xénophon*, Paris — Nancy, 1913; E. H o f f m e i s t e r, *Durch Armenien, eine Wanderung und der Zug Xenophons bis zum Schwarzen Meer*, Lpz—B., 1911.

⁶ M a s q u e r a y, ук. соч., I, стр. 21 сл.; H. W. P a r k e, *Greek Mercenary Soldiers from the earliest Times to the Battle of Ipsus*, Oxf., 1933, стр. 23 сл.; L u c c i o n i, ук. соч., стр. 29 сл.; Ed. D e l e b e c q u e, *Notes sur l'«Anabase»*, «Lettres d'Humanité», VI, P., 1947, стр. 48 сл.; он же, *Essai sur la vie de Xénophon*, P., 1957, стр. 102 сл.

⁷ P a r k e, ук. соч., стр. 23 сл.

⁸ Ed. D e l e b e c q u e, *Xénophon, Athènes et Lacédémone, Notes sur la composition de l'Anabase*, REG, t. 59—60 (1946—1947), стр. 71 сл.; G. H ö e g, *Xenophontos Kyrou Anabasis, Oeuvre anonyme ou pseudonyme ou orthonyme?* «Classica et mediaevalia» XI (1950), № 1—2, стр. 151 сл.; F. R o b e r t, *Les intentions de Xénophon dans l'«Anabase»*, «L'Information littéraire», № 2 (1950), стр. 55 сл.

дом, семья, и наемную службу они рассматривали как своего рода отхожий промысел, причем дело было не в обогащении, а в приобретении средств для помощи семье (V, 6, 30).

Мысль о поселении где-нибудь на берегу Понта встречала поддержку и сочувствие среди некоторых воинов. Однако этого хотела только часть наемников, другая же, более многочисленная, упорно сопротивлялась этому. В Кальпийской бухте войско расположилось на берегу моря, но греки не захотели разбивать лагерь там, где можно было построить город, им даже казалось, что самый приход в эту местность объясняется злым намерением некоторых лиц, замышлявших основать здесь полис. Слухи, ходившие в войске, были настолько, видимо, упорными и получили такое распространение, что плывущие мимо корабли охотно приставали к берегу, услышав, что здесь будто бы основывается город, а живущие по соседству направляли к грекам послов (Xen., Anab., VI, 6, 3—4).

Следует думать, что стратеги Тимасион и Форакс в своих предложениях солдатам точнее всего должны были учесть их различные стремления. Что же они обещают? Тимасион соблазняет возможностью обогатиться в Эолиде, Фригии и Троаде (V, 6, 22—26), т. е. вновь стать наемником в той же самой Малой Азии ради обогащения, Форакс говорит о прекрасном и богатом Херсонесе, где желающие смогут поселиться, а другие — поехать отсюда домой.

Итак, и здесь наблюдается то же: одни стремятся продолжать жизнь наемника, другие — где-нибудь поселиться, третьи — вернуться домой. Имущественное неравенство среди наемников представляется несомненным. Вопрос заключается в том, действительно ли та часть, которая испытывала нужду, составляла меньшинство, как указывает Ксенофонт (VI, 4, 8).

Необходимо учесть, в каком контексте сделано Ксенофонтом рассматриваемое замечание. Автор рассказывает о попытке основать поселение на берегу Понта, и приведенное высказывание должно объяснить и оправдать неудачу этой попытки. Кроме того, как уже указывалось выше, Ксенофонт хотел представить наемников, среди которых он находился, в более благоприятном свете (Luscioli, ук. соч., стр. 31).

Еще в самом начале похода можно выделить группу солдат, которые не думали о возвращении домой. В Тапсаке Менон предлагал своим воинам перейти раньше других Евфрат, обещая, что Кир в случае, если другие отряды не пойдут дальше и войско вернется, назначит наемников Менона, как самых верных, фрурархами и лохагами (Xen., Anab., I, 4, 15). Следовательно, Менон не сомневался в том, что его солдаты и в дальнейшем хотят служить у Кира. В речи перед битвой при Кунаксе Кир высказывает надежду, что он убедит многих предпочесть службу у него возвращению на родину (I, 7, 4). После битвы к Артаксерксу перешли 340 фракийцев под командой Мильтокифа (II, 2, 7) и аркадянин Никарх с 20 солдатами своего лоха (III, 3, 5).

Число тех, кто не думал о возвращении в родной полис, было не так незначительно, как о том можно судить по описанию Ксенофонтом событий в Котиоре. Еще в начале отступления Ксенофонт выражает опасение, что греки, подобно лотофагам, забудут дорогу домой (III, 2, 25). В Гераклею пришло 8 000 воинов, к Севту же нанялось около 6 000, остальные 2 000 (четверть войска), продав оружие, разъехались, кто куда мог, часть вернулась на родину, другие — смешались с населением городов (VII, 2, 3; 7, 23; Diod., XIV, 31,5; 37,1).

На службе у Севта не в первый раз встает вопрос о возможности части наемников остаться и осесть на землю. Севт кроме оплаты обещает дать землю и укрепленное место у моря и на вопрос Ксенофонта, примет ли

он их, отвечает утвердительно (Xen., Anab., VII, 2,37—38; ср. VII, 3, 18—19).

Из нанявшихся к Севту родину увидели, наверное, немногие. От Севта воины переходят к спартамцам, воюют под командой Фиброна, Деркилида и Агесилая в Малой Азии с 400 г. до н. э., затем часть их переправляется вместе с Агесилаем в Европу и участвует в битве при Коронее в 394 г. до н. э. (VII, 8, 24; Xen., Hell., III, 1, 6, 2,7; IV, 2,5 сл.; Hell., Оху., XVI, 2). После роспуска войска Агесилаем, возможно, более молодые, особенно из Фессалии, поступили на службу к Ясону⁹.

Ксенофонт, без сомнения, преувеличил число тех, кто видел в наемной службе не источник существования, а средство обогащения. В этом, кроме рассмотренного материала «Анабазиса», убеждает история греческих наемников в это же время в Сицилии. Но по сравнению с последующим временем в самом начале IV в. было гораздо меньше обездоленных, шедших в наемники из нужды.

Состав наемников, отправившихся с Киром, был разнохарактерным. Небольшую часть их составляли солдаты, уже раньше служившие у Кира (I, 1,2; 4,12). Ксенофонт указывает, что у Кира еще до похода служили стратеги и лохаги, которые приходили к нему ради обогащения (I, 9, 17). Среди них был Ксений, командир сопровождавших в 405 г. до н. э. Кира эллинских гоплитов (I, 1,2; 2,1). Видимо, к ним принадлежал Мелон (I, 1,10; 2,6; II, 6,28).

Проксен, Софенет и Сократ были ξένοι Кира (I, 1, 14); для Проксена, по его собственным словам, Кир был дороже отчизны (III, 1,4). К началу похода Сократ и Пасион были в числе тех, кто осаждал Милет (I, 2,3). Ксений и Пасион имели какие-то прежние заслуги перед Киром (I, 4, 8).

В войске Кира были изгнанники: Гавлит с Самоса (I, 7, 5), Тимасион из Дардан (III, 1,47; V, 6,23), Архагор из Аргоса (IV, 2,13), из Спарты Клеарх, полностью порвавший с родиной (I, 1,9), милетяне, надеющиеся с помощью Кира вернуться в свой город (I, 2,2). По сравнению с более чем тринадцатитысячным войском эти изгнанники представляют ничтожное количество. Однако кажется более правильным сопоставить их не с общим числом солдат, а с теми 65 наемниками, которых Ксенофонт называет по имени. В таком случае количество изгнанников получается уже не столь незначительным. Безусловно, среди той части войска, которая хотела осесть в Малой Азии, было какое-то число и изгнанников.

Среди «десяти тысяч» мы видим беотийского беглого раба лидийца Аполлонида (Xen., Anab., III, 1,26 и 31), пелтаста из племени макронов, бывшего раба в Афинах (IV, 8, 4—6), бывшего фессалийского кулачного бойца Бойска (V, 8, 23), бежавшего от правосудия за убийство Драконтия (IV, 8, 25 сл.; ср. Isae., IV, 28), и юношу Силана из Макисты, может быть, убежавшего из дома в поисках приключений (Xen., Anab., VII, 4, 16).

Таким образом, наемники Кира были неоднородны по своему имущественному положению и составу. Здесь были солдаты-профессионалы, участники Пелопоннесской войны, уже неспособные к мирной жизни, изгнанники, беглые рабы, преступники. Но большинство составляли еще вчерашние граждане, видевшие в наемной службе временное занятие. Воины Кира мечтали улучшить свое положение, обогатиться, вернуться домой. Но мечты оставались мечтами, богатство не приходило, надежды рушились, наемники продолжали свою службу, постепенно превращаясь в солдат-профессионалов. Диодор объясняет поступление бывших воинов

⁹ R. J. Bonner, Xenophon's Comrades in Arms, «Classical Journal», X (1915), № 5, стр. 199—200.

Кира к Севту тем, что они привыкли вести жизнь солдат (Diod., XIV, 37, 1—2).

Нарисованную Ксенофонтom картину пестрого состава наемников дополняет Исей, давая возможность более конкретно представить различные типы наемников и те разнообразные причины, которые приводили людей в наемное войско. IV речь Исея рисует два типа наемников. Один, афинянин Никострат, нашел в наемной службе за границей (Isae., IV, 1, 18 и 26) удобный случай для увеличения своего состояния. В промежутках между походами он вел какие-то денежные дела¹⁰ и составил за 11 лет службы (Isae., IV, 8) значительное состояние в 2 таланта (IV, 7). Он не стремился возвратиться на родину, не поддерживал никакой с ней связи, у него не было семьи, и ближайшими его родственниками на суде оказались его двоюродные братья. Вероятно, в последнее перед смертью время он служил в войске Фарнабаза, с которым персидский сатрап в 374 г. до н. э. напал на Египет, так как тело Никострата было привезено в Афины из Аки, места сбора этого войска¹¹.

Второго наемника, афинянина Хариада, заставило стать воином судебное преследование. За воровство он был схвачен и брошен в тюрьму (Isae., IV, 28), но сумел бежать из Афин и поступил на службу. Здесь Хариад познакомился с Никостратом, вместе с которым, по его словам, вел какие-то дела (IV, 18—20, 26). Он, видимо, не оставлял надежды вернуться на родину, ожидая лишь, когда за давностью лет преступление потеряет силу и будет забыто. Через 17 лет (IV, 29) он возвращается в Афины и выступает как один из многочисленных претендентов на состояние Никострата. Очень интересно указание Исея на то, что судебные дела относительно имущества афинян, убитых за границей после многолетнего отсутствия, не единичны (IV, 21).

Во II речи Исея говорится о двух братьях-наемниках. Некто Эпоним из Ахарны умер, оставив двух сыновей и двух дочерей. Молодые люди выдали сестер замуж, дав им в приданое по 20 мин каждой (II, 3—5), и отправились на службу во Фракию к известному командиру наемников Ификрату¹². Через несколько лет они вернулись, вскоре одного усыновил муж младшей сестры, а другой вновь стал наемником. Перед нами люди иного положения, чем Хариад и Никострат. Они обладают некоторым, правда, весьма скромным, состоянием, судя по размеру приданого сестер. Выдав их замуж, братья остаются в стесненном положении и решают службой поправить свои дела. Во Фракии они отличились и приобрели некоторое имущество (Isae., II, 6).

Наконец, в речи IX выступает тоже, видимо, наемник, но более высокого положения. Астифил был под Коринфом в 394—390 гг., в 378—371 гг. воевал против Спарты, а в промежутке — в Фессалии¹³. После более

¹⁰ Isae., IV, 18—20. Может быть, это были операции, связанные со скупкой награбленного, ср. Xen., Ages., I, 17—18.

¹¹ Isae., IV, 7, 19—20; Diod., XV, 41; Polyaeus, III, 9, 56; W. Judeich, Kleinasiatichen Studien, Marburg, 1892, стр. 160; Аке—эммедация, представляющаяся наиболее правильной. W. Wyse, The Speeches of Isaeus, Cambridge, 1904, стр. 59 и 376; Isée, Discours, texte établi par P. Roussel, P., 1922, стр. 76.

¹² Isae., II, 6. Речь идет о службе Ификрата во Фракии у афинян или у Котиса. Мнения по этому поводу расходятся. См. Wyse, ук. соч., стр. 236—237; Bonner, ук. соч., стр. 203. Во всяком случае, говорится о событиях начала 80-х гг. IV в. до н. э.

¹³ Isae., IX, 14. Источники ничего не сообщают о войне в Фессалии между 390—378 гг. до н. э. По предположению Bonnera (ук. соч., стр. 204), Астифил мог служить у Ясона. Правда, тираном Ясон стал не раньше 379 г., но неизвестно, когда впервые он обратил свою армию против фессалийских городов. Кроме того, в Фессалии были часты конфликты между отдельными аристократическими родами, у которых мог служить, по мнению Уайза, и Астифил — Wyse, ук. соч., стр. 635.

чем 23 лет службы, став лохагом, он вернулся в Афины и погиб под Митиленой, сражаясь в гражданской армии (IX, 1). Не материальная нужда заставила его стать наемником. У Астифила было поместье, перешедшее к нему по наследству от отца (IX, 3, 17 и 28). Размер земельного владения неизвестен¹⁴. В надписи 378 г. встречается имя Астифила как внесшего проект о разрешении вхождения Мефимны в Афинский союз¹⁵. В этой же речи, возможно, говорится еще об одном наемнике. Это истец, брат Астифила по матери, который в то время, когда Астифил погиб, находился в походе за границей (Isae., IX, 3).

Столь же разнообразны были наемники и по своему этническому составу. Отдельные виды войска были набраны из определенных областей Греции. В войске Кира наблюдается в этом отношении та же картина, что в Пелопоннесской войне. Большинство гоплитов было из Пелопоннеса, прежде всего из Аркадии, затем — из Ахайи (Xen., Anab., I, 1,6; 2,3; VI, 2,10 и др.). Дорийская фаланга особенно славилась и ценилась, а Аркадия еще до похода Кира была главной поставщицей гоплитов¹⁶. И во время Пелопоннесской войны все наемники-гоплиты, место происхождения которых известно, были набраны в Пелопоннесе¹⁷. То же можно сказать и относительно пелтастов. Фракия была родиной этого вида оружия. Все упоминаемые Фукидидом и Ксенофонтом в «Hellenica» (в книгах, описывающих Пелопоннесскую войну) пелтасты — из Фракии¹⁸, подавляющее большинство пелтастов Кира — фракийцы: 800 пелтастов Клеарха — фракийцы (I, 2, 9), 500 пелтастов Менона — энианы, олинфяне и долопы (I, 2, 6). Не случайно, что пелтасты были именно у Клеарха, набравшего войско в Херсонесе, и Менона — стратега фессалийца Аристиппа¹⁹.

Наконец, гимнетами были пращники с Родоса и критские лучники и в Пелопоннесской войне и среди наемников Кира: Родос славился своими пращниками²⁰, а Крит — лучниками²¹.

Аркадяне, ахейцы, фракийцы, критяне, родосцы неоднократно упоминаются как отдельные группы. Они, видимо, были набраны целыми отрядами, иногда вместе с низшими командирами. Кажется весьма вероятным, что в состав войска вошли отдельные отряды, оформившиеся еще во время Пелопоннесской войны и продолжавшие существовать после нее.

Но перечисленные группы не исчерпывают всего этнического состава наемников. Ксенофонт в ходе рассказа упоминает в связи с тем или иным событием отдельных лиц, называя обычно место их происхождения. Это позволило, собрав все имена, составить таблицу (см. стр. 76).

Имен этих немного — всего 65, преобладают командиры, упоминания Ксенофонта носят случайный характер, поэтому вряд ли можно говорить, что эта таблица отражает в какой-то мере соотношение отдельных этнических частей в войске, хотя и в ней преобладают пелопоннесцы (32 из 65),

¹⁴ Вполне возможно, что Фудипп, родной брат отца Астифила, был триерархом (CIA, II, 811 c, 224 d, 117, 120).

¹⁵ Syll.³, I, № 149; Ch. Michel, Recueil d'inscriptions grecques, Bruxelles, 1900, № 88.

¹⁶ Athen., I, 27e—28a.

¹⁷ Thuc., I, 60, 1; III, 34, 2—4; IV, 52,2; 76, 3; VI, 43; VII, 19, 4; 57, 9; 58, 3; VIII, 28, 4.

¹⁸ Там же, IV, 129, 2; V, 6, 2; VII, 27, 1—2; Xen., Hell., I, 3, 10; ср. Aristoph., Acharn., 153 сл.; Xen., Memor., III, 9, 2.

¹⁹ Фессалия тоже славилась пелтастами, Xen., Hell., VI, 1, 9.

²⁰ Thuc., VI, 43; Xen., Anab., III, 3, 15—20; 4, 14—17.

²¹ Thuc., VI, 25, 2; 43; VII, 57, 2; Xen., Anab., I, 2, 9; III, 3, 7, 15—20; 4, 14—17; IV, 2, 28. Ср. Xen., Hell., IV, 2, 16.

а среди них — аркадяне (16 из 32). Таблица кажется интересной в другом отношении — как показатель исключительной пестроты этнического состава наемников. В таблице мы видим выходцев из многих областей греческого мира от Сиракуз и Фурий на западе до Хиоса, Крита и Малой Азии на востоке. 65 наемников происходят из 31 полиса и области. Это явление новое по сравнению с предшествующим временем.

Амфиполь — 2	Локры — 1	Дарданы — 2
Фракия — 1	Эвбея — 1	Лидия — 1
Олинф — 1	Акарнания — 1	Эолида — 1
Фессалия — 2	Аркадия (5 полисов) — 16	Мисия — 1
Амбракия — 1	Спарта — 5	Хпос — 1
Афины — 8	Ахайя — 5	Самос — 1
Беотия — 2	Элида — 4	Крит — 1
Мегары — 1	Сикион — 1	Фурии — 1
Этеи — 1	Аргос — 1	Сиракузы — 2

В рассматриваемое время грек, вынужденный стать наемником даже в силу затруднительных материальных обстоятельств, не мог быть совершенно неимущим. В начале IV в. до н. э. гоплиты еще оставались основной частью войска. Из 13 000 наемников Кира более 10 000 были гоплитами (Хен., *Anab.*, I, 2, 3, 6, и 9; 4, 3). У гоплита, как правило, был слуга, чаще всего раб²². Оружие было собственностью каждого воина²³. Цена гоплитского доспеха неизвестна. При распродаже имущества, конфискованного по процессу гермокопидов, были проданы дротик (*δωράτιον*) за 2 драхмы 5 оболов, копье, по-видимому, без втока (*δέρυ ἀνευ στύρακ (ος)*) за 1* драхму 4 обола²⁴. Во всяком случае, полные доспехи стоили дорого²⁵.

Слуги с оружием и другими вещами²⁶ находились в обозе. Обоз — неотъемлемая часть всякого войска того времени. Помимо слуг и личных вещей воинов, в обозе находились жрецы²⁷, ремесленники²⁸, врачи²⁹, купцы³⁰, глашатаи³¹, трубачи³², гетеры³³, погонщики³⁴, обозные солдаты³⁵, вьючный скот³⁶, палатки³⁷, награбленное добро, продовольст-

²² Th u c., VII, 75, 5; X e n., *Anab.*, II, 5, 32; IV, 2, 20; VII, 3, 20 и др.; Hell., VI, 2, 23; Ages., I, 30; P o l y a e n., III, 9, 52 и др.

²³ X e n., *Anab.*, I, 2, 2; III, 3, 18; VII, 2, 3; ср. Hell., III, 4, 17; IV, 2, 7; были, правда, отдельные случаи, когда наниматель давал оружие. L u s., XIX, 21 fr., I, 6, 1 (L y s i a s, Discours, т. II, P., 1926).

²⁴ W. K. P r i t c h e t t, *The Attic Stelai*, «Hesperia», XII (1953), № 4, стр. 254. В. Д. Б л а в а т с к и й, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 48.

²⁵ П. М о н с о («Exercitus», D.—S., т. 2, стр. 901) определяет стоимость доспеха гоплита примерно в 150 драхм.

²⁶ X e n., *Anab.*, I, 10, 3—4 и 18; IV, 3, 30; VI, 5, 1; VII, 3, 18 и 27; 4, 18 и др.

²⁷ X e n., *Anab.*, I, 7, 18; VI, 5, 2 и др.; Th u c., VI, 69, 2.

²⁸ X e n., *Lac. polit.*, XI, 2; 7; Cyrop., VI, 2, 37.

²⁹ X e n., *Anab.*, III, 4, 30; ср. *Lac. polit.*, XIII, 7.

³⁰ X e n., *Hell.*, VI, 2, 23; 4, 9; Cyrop., II, 4, 32; IV, 5, 42; VI, 2, 38—39.

³¹ X e n., *Anab.*, II, 2, 20; III, 1, 46; 4, 36; V, 2, 18; 7, 3.

³² Там же, II, 2, 4; IV, 3, 29; VII, 4, 16; ср. Th u c., V, 10, 3; VI, 69, 2.

³³ X e n., *Anab.*, IV, 1, 14; 3, 19 и др.

³⁴ Видимо, рабы, судя по тому, что погонщик мула сказал Ксенофону, что ему поручили гнать мула, хотя он родился свободным. X e n., *Anab.*, V, 8, 5.

³⁵ Там же, IV, 1, 13; VI, 5, 4.

³⁶ X e n., *Anab.*, I, 5, 5, 7; II, 2, 4; IV, 1, 12—13 и др.; ср. X e n., *Lac. polit.*, XI, 2; X e n., *Oec.*, VIII, 4.

³⁷ X e n., *Anab.*, III, 2, 27.

вие³⁸. Во главе обоза стоял специальный начальник³⁹. Яркую картину обоза рисует Ксенофонт⁴⁰: в обозе находятся — продовольствие (хлеб, вино, приправы), одежда, ручные мельницы, все, что может понадобиться больному, ремни, запасы дерева, топоры, лопаты, мотыги, косы, ремесленники-кузнецы, плотники, кожевники с их инструментом, которые за плату обслуживают всех, в них нуждающихся, купцы — *ἐμποροί* и *κέρηλοι*. В обозе везли также общественное имущество, составлявшееся из добычи, захваченной при совместных набегах (Хен., *Anab.*, VI, 6, 2). По мере увеличения оно делилось между солдатами, частично же шло на нужды всего войска. Так, из общественного имущества греки одарили скифина, который довел их до моря (IV, 7, 27). Общественный скот они подарили Клеандру, гармосту Византии (VI, 6, 37). Обсуждался вопрос, кормить ли за общественный счет командиров тех кораблей, которые греки предполагали захватить для переправы (V, 1, 12). В жертвы приносился общественный скот.

Обоз численно обычно превосходил войско. Находящиеся здесь люди, как правило, не принимали участия в военных действиях. Ксенофонт называет их *ὄχλος*⁴¹.

Обоз был предметом постоянных забот. Однажды даже часть наемников покинула строй и бросилась охранять, кто вьючный скот, кто вещи или гетер (IV, 3, 30). Обоз требовал специальной охраны. Для большей безопасности он обычно помещался в центре войска, иногда войско строилось в каре так, чтобы повозки и толпа нестроевых находились под его защитой (III, 2, 36).

Большой обоз постоянно тормозил движение. Этим объясняется, что дважды во время отступления греки должны были уменьшать его, оставляя лишь самое необходимое (III, 2, 27—28; 3, 1; IV, 1, 12—14).

* * *

За свою службу наемники получали жалованье, подарки, часть прибыли. В какой мере могло обогатить солдат жалованье?

Кир нанял солдат за дарик в месяц, т. е. около 5 обол в день (Хен., *Anab.*, I, 3, 21). В Тарсе оплата в связи с подозрениями солдат, что их ведут против царя, была увеличена до 1,5 дариков в месяц, т. е. около 7,5 обол в день (там же), Тимасий и Форакс обещали платить по кизикину в месяц, т. е. около 5 обол в день⁴², столько же Севт (VII, 3, 10), спартанцы — по 1 дарiku в месяц (VII, 6, 1). Лохагу платили вдвое больше, чем рядовому, а стратегу — вчетверо, согласно установленному обычаю (VII, 2, 36; 3, 10; 6, 1 и 7).

! Таковы цифры, которые сообщает Ксенофонт. Прежде всего их следует поставить в связь с другими свидетельствами об оплате. Этих свидетельств немного и относятся они, главным образом, ко времени Пелопоннесской войны⁴³. Под Потидеей гоплиты получали 2 драхмы — одну для себя

³⁸ Хен., *Anab.*, I, 10, 18; IV, 1, 13; 5, 8.

³⁹ ἄρχων στρατιῶν σκευφορῶν — Хен., *Лас. polit.*, XIII, 4.

⁴⁰ Хен., *Сугор.*, VI, 2, 31—39; ср. Хен., *Оес.*, VIII, 4.

⁴¹ Хен., *Anab.*, III, 2, 36; 3, 6; IV, 3, 15 и 27; VI, 5, 3; ср. *Сугор.*, IV, 2, 6.

⁴² Хен., *Anab.*, V, 6, 23 и 26. Стоимость кизикина колебалась, см. F. B u n e t t i, *Scenofonte Vocabolario*, Torino, 1946, стр. 80.

⁴³ В источниках ничего не говорится о существовании различия в оплате наемников и граждан, но нет прямых указаний и на равенство. Единственным подтверждением положения об одинаковой плате, кроме полного молчания авторов о разнице в ней, является, может быть, I Филиппика Демосфена, в которой оратор в своих подсчетах средств, нужных для содержания армии, включающей граждан и наемников, не

другую — для слуги⁴⁴, во время Сицилийского похода морякам платили 1 драхму (Thuc., VI, 31, 3). По афино-аргосскому договору гоплиту и легковооруженному полагались 3 эгинских обола в день (т. е. около 4,5 аттических), а всаднику — 1 драхма (V, 47, 6). В 413 г. в Афины пришли фракийские пелтасты для участия в сицилийском походе, но опоздали. Афиняне отослали их обратно, так как платить им 1 драхму за войну в Декалеее казалось слишком дорого⁴⁵. Далее, Тиссаферн обещал давать морякам 1 драхму, но потом снизил оплату до 3 оболов⁴⁶. В это время афинские моряки получали 3 обола (Thuc., VIII, 45, 2).

Джонс⁴⁷, исходя из того, что Фукидид сначала говорит о шести оболах, а затем о трех — считает, что в 413 г. плата наемникам была уменьшена вдвое. Гомм⁴⁸ рассматривает более высокий размер оплаты не как обычный, но как обусловленный особыми обстоятельствами. Думается, что в отношении моряков Гомм прав, и участникам Сицилийской экспедиции платили больше, чем обычно. Доказательством этому является случай с пелтастами — тот размер жалованья, который казался возможным для Сицилии, где рассчитывали расплачиваться захваченным богатством, был слишком высоким для войны в Греции. Плата моряков в 1 драхму была выше обычной. Что же касается гоплитов, то нет никакой необходимости искать причину уменьшения оплаты с 6 оболов до 3 и говорить о внезапном уменьшении оплаты вдвое, так как в афино-аргосском договоре говорится не об оплате гоплита и легковооруженного, а лишь о ее части⁴⁹. Поэтому размер оплаты гоплита по Фукидиду — 6 оболов в день.

Об оплате в IV в. (имеется в виду время до Александра) известно, что во время подготовки Спарты к Олинфскому походу союзным государствам было разрешено вместо людских контингентов вносить деньги из расчета: за воина — 3 эгинских обола, за всадника — вчетверо больше (Xen., Hell., V, 2, 21). Деньги эти обозначены термином *μισθός* и должны были быть равны оплате гоплита.

Таким образом, первоначальная оплата Кира и оплата других нанимателей «десяти тысяч» согласуется с существующим в то время размером жалованья и не представляет чего-либо исключительного. Если сравнить цифры времен Пелопоннесской войны, 401—400 гг. и 80-х гг. IV в., то мы увидим их уменьшение: 6 оболов — около 5 оболов — около 4,5 оболов. Может быть, они свидетельствуют о падении размера оплаты.

делает никаких различий в их оплате (Dem., IV, 28—29). Правда, в ней говорится только об одной части оплаты и, как предполагает Гриффис (G. F. Griffith, *The Mercenaries of the Hellenistic World*, Cambr., 1935, стр. 296), может быть, вторая часть была неодинаковой. Это представляется, однако, мало вероятным.

⁴⁴ Thuc., III, 17, 3; Шульцес (RE, s. v. *σισυρέσιον*) считает это место интерполяцией, так как размер оплаты ему представляется слишком большим.

⁴⁵ Thuc., VII, 27, 2. В источниках нет ни одного указания на разницу оплаты наемников разных видов вооружения — гоплитов, пелтастов, легковооруженных. См. V, 47, 6. Оплата всадников была вдвое (V, 47, 6), втрое и даже вчетверо (Xen., Hell., V, 2, 21) больше того, что получала пехота. Подробный разбор источников по оплате всадников см. M. A. Martin, *Les Cavaliers Athéniens*, P., 1887, стр. 347—353.

⁴⁶ Thuc., VIII, 29. Кир увеличил оплату до 4 оболов. Xen., Hell., I, 5, 4—7; Plut., Alcib., 35.

⁴⁷ A. H. M. Jones, *The Economic Basis of the Athenian Democracy*, «Past and Present», № 1 (1952), стр. 16 и 28, прим. 33.

⁴⁸ A. W. Gomme, *A Historical commentary on Thucydides*, II, Oxf., 1956, стр. 275.

⁴⁹ Thuc., V, 47, 6; Шульцес (RE, s. v. *σισυρέσιον*) считает, что 3 обола заключали в себе деньги на продовольствие и собственно заработок. Вряд ли это так, так как сумма в 3 обола обозначена термином *σῆτες*, а для определения всей оплаты уже давно существовал термин *μισθός*.

Впрочем, рассмотренного материала все-таки недостаточно, чтобы настаивать на подобном выводе.

Приведенные данные об оплате наемников еще ничего не говорят об их имущественном положении, о том месте, какое занимали они в обществе. Для выяснения этого следует сопоставить жалование наемников с заработком других категорий оплачиваемого населения и попытаться далее, исходя из прожиточного минимума, выяснить, насколько велика была эта оплата.

О размере оплаты, получаемой другими представителями наемного труда, известно немного. При строительстве Эреффейона в 409—407 гг. рабочие получали 1 драхму в день, независимо от того, был ли работающий гражданином, метеком или рабом⁵⁰. В 329 г. в Элевсине работающие получали от 1,5 до 2,5 драхм, на Делосе в начале IV в. квалифицированный работник — 1,5 драхмы в день, а работник в 279 г. — 5 оболов⁵¹.

Определение прожиточного минимума наемника представляется невозможным, так как нельзя учесть все его потребности, их размер и стоимость. Можно только привести примерные подсчеты той доли, которую занимал расход на хлеб в его оплате. Дневная норма хлеба на человека была 1—2 хойника в день: об одном хойнике говорит Геродот (VII, 187). Работникам на Делосе в начале III в. давали 1,5 хойника⁵², 2 хойника получали во время перемирия спартанцы, осажденные на о. Сфактерия (Thuc., IV, 16, 1). Стоимость зерна была различной в зависимости от места, времени года, политической обстановки и других факторов, но в общем в IV в. медимн пшеницы стоил 4—6 драхм⁵³. Итак, если мы возьмем среднюю цену в 5 драхм за медимн, то получится, что солдат должен был тратить на хлеб для себя ежедневно 1—1 $\frac{1}{3}$ обола. Следует учесть, что гошлит обычно кормил и слугу. Может быть, взятые цифры несколько преувеличены. Во всяком случае 2 обола в день, которые первоначально в Афинах получали граждане за посещение народных собраний, являются лишь самым скудным прожиточным минимумом⁵⁴. Софронисты получали на содержание *eis trophē* — 1 драхму в день, эфебы — 4 обола (Arist., Ath. pol., 42, 3). Демосфен в очень экономном подсчете средств, нужных на содержание армии, берет 2 обола в день как сумму, необходимую для дневного пропитания (IV, 28—29). *Ὀψώνιον* работников на Делосе равнялся 2 оболам⁵⁵. Прокорм общественного раба в Элевсине в III в. обходился в 3 обола⁵⁶.

Если прибавить к расходам на продукты питания стоимость одежды и т. п., то станет ясно, что оплата обеспечивала наемникам весьма скромную жизнь.

Наемная служба привлекала, видимо, не только и не столько оплатой, сколько надеждой на долю в добыче, ожиданием награды. При наборе воинам обещали золотые горы. Молва о щедрости Кира распространилась по всей Греции, и, соединясь с представлением о сказочных богатствах Востока, во много раз преувеличила ее. Тимасий и Форакс соблазняли наемников обещаниями богатства, Севт — различными дарами, волами,

⁵⁰ IG, I², 372—374.

⁵¹ Griffith, ук. соч., стр. 308—309. Следует учесть изменение в ценах в конце IV в.

⁵² IG, XI, fasc. 2, № 158 A, стр. 37 сл.

⁵³ A. J a r d é, Les céréales dans l'antiquité grecque, P., I, 1925, стр. 167.

⁵⁴ A r i s t., Ath. pol., 41, 3; эта оплата была затем повышена до 3 оболов. См. также Aristoph., Eccl., 308.

⁵⁵ IG, XI, fasc. 2, № 158 A, стр. 37 сл.

⁵⁶ J a r d é, ук. соч., стр. 160.

землей и укрепленной местностью у моря. Наниматели рано постигли истину, что увеличения усердия, смелости и даже преданности солдат можно добиться лишь наградами и подарками⁵⁷.

Предлоги для них могли быть самыми различными. Агесилай затратил не менее 4 талантов на награды тем городам и лохагам наемников, которые явятся с наилучшим по вооружению отрядом. Наградами было оружие прекрасной работы и золотые венки (Xen., Hell., IV, 2, 6—7). Кир обещает золотой венок и 5 мин серебром (т. е. 1,5 годовой оплаты) каждому воину после окончания похода (Xen., Anab., I, 4, 13; 7, 7). Ификрат награждал наемников оружием (Polyaen., III, 9, 4). Ясон, имевший до 6000 наемников, не только уделял внимание их обучению, но и награждал их, увеличивая жалование в два, три и даже четыре раза, делая им различные подарки, ухаживая за ними во время болезней и устраивая им пышные погребения (Xen., Hell., VI, 1, 6). Ификрат после сражения давал каждому воину из добычи часть соразмерно его труду и во время праздников и пиршеств более храбрых сажал на первое место. Это он делал, чтобы они были *πρωτότεροι*⁵⁸. Наемников привлекали не только ценность даров, но и отличия. Честолюбие имело здесь большое значение. Вообще наемник ценил заботы нанимателя, особенно материальные. Агесилай, хотя и израсходовал около 4 талантов, но выиграл, так как все приобрели прекрасное оружие (IV, 2, 7).

Интересен в этом отношении рассказ Ксенофонта о наемниках у сатрапов Эолиды. Мания, сохранив после смерти своего мужа власть над Эолидой, подчинила несколько приморских городов с помощью наемного войска. При осаде стен этих городов она наблюдала за ходом сражения и тех, кого считала достойным похвалы, награждала щедрыми дарами. Таким образом она сформировала прекрасное наемное войско (III, 1, 13). Манию убил ее зять Мидий. Вскоре в Эолиду вторглись спартанцы под командой Деркилида и заняли несколько городов без всякого сопротивления, так как со стоявшими в них греческими гарнизонами после смерти Мании скверно обращались (III, 1, 16).

Однако более всего наемники надеялись обогатиться посредством грабежей⁵⁹. Организаторами этих грабежей обычно выступают сами командиры. Так, под Трапезундом Ксенофонт на собрании воинов предложил целый план их организации (Xen., Anab., V, 1, 8—9). Нанявшись к Фиброну, по пути из Фракии в Малую Азию воины совершают набег с целью грабежа. Случай представляется очень верным. Желаящих оказывается много — около 600 человек, но Ксенофонт берет лишь наиболее близких ему лохагов, как бы в награду за их верность. Они не хотят ни с кем делиться уже готовым попасть в их руки добром и уходят тайком (VII, 8, 9 сл.). Одним из самых больших был грабительский поход на дрилов (V, 2, 1 сл.). Наемники использовали любую возможность, чтобы что-нибудь захватить. Например, в стране моссинойков они вмешались в борьбу двух племен,

⁵⁷ Например. Xen., Anab., I, 7, 7—8; Hell., VII, 1, 46; Ages., II, 8; Cyrop., II, 1, 22—24; 2, 28; 3, 6; 4, 9; VI, 2, 9; VIII, 4, 29—30; 5, 23.

⁵⁸ Polyaen., III, 9, 31. Полиен рассказывает также о другом весьма оригинальном способе Ификрата сделать воинов более усердными. Когда у них было много денег, он уводил их в богатые города, чтобы они быстрее растратили деньги и из-за нужды в них были бы старательнее (*σπουδαίονες*). А когда у него не было денег для оплаты, он переводил их в места малонаселенные, чтобы им хватило денег как можно дольше — III, 9, 35.

⁵⁹ Интересно отметить, что после битвы при Кунаксе до выхода к морю, пока греки не почувствовали себя увереннее, грабежей совсем не было. В книгах III и IV (до 8, 22) есть одно только сообщение о взятом у врага имуществе — конях, но они могли быть захвачены еще до битвы при Кунаксе. О грабежах до гибели Кира — Xen., Anab., I, 2, 19 и 25—27; 3, 14.

помогли ради грабежа одному из них и, победив, разграбили захваченное укрепленное место (V, 4, 1 сл.). По мере продвижения вдоль берега моря стремление к грабежу росло, так как наемники хотели вернуться домой не с пустыми руками (V, 6, 20; VI, 1, 17). Для этого они выбирают вождя. Было решено, что когда все вместе ходят за добычей, то она становится общественным достоянием. Но когда ходили отдельными отрядами, то добычу забирали себе эти отряды (VI, 6, 2, 8 и 28).

Грабеж приводит к нарушению обязательств по отношению к нанимателю. Хотя по условиям найма вся добыча шла Севту⁶⁰, наемники забирали часть ее себе (VII, 6, 26—28). Грабили даже деревни Медосада, отданные ему Севтом, так что Медосад потребовал оставить его владения, грозя в противном случае обращаться с греками как с врагами (VII, 7, 1—3).

Пленных греки, как правило, продавали в рабство. Так, были обращены в рабство пленные киликийцы, и Кир обещает Сиеннесию вернуть их, если они найдутся (I, 2, 27). После битвы при Кунаксе в стычке с Митридатом взято было в плен 18 всадников (III, 4, 5). При затруднительных условиях движения в горах, когда было решено взять с собой лишь самое необходимое, греки отпустили всех недавно взятых в плен рабов (IV, 1, 12—13). В Западной Армении были захвачены все жители одной из деревень (IV, 5, 24). Большое число было взято аркадянами в Вифинии (VI, 3, 3; ср. VI, 5, 3), много пленных захвачено по дороге из Кальпийской бухты в Хрисополь (VI, 6, 38). Во Фракии после одного из сражений среди добычи было взято 1000 рабов (VII, 3, 48). Ксенофонт, оправдываясь перед солдатами в том, что он убедил их наняться к Севту, который не платит, говорил, что греки одни не могли бы захватить рабов и мелкий скот, которых теперь «на вашу долю пришлось много» (VII, 6, 26—29). Рабы были среди добычи, захваченной во время нападения на владения Асидата (VII, 8, 12, 16 и 19).

Но и сами греки могли в любой момент стать жертвой нападения и быть обращены в рабство. Так и случилось в Византии, где Аристарх продал не менее 400 человек, в основном больных, оставленных в городе ушедшим войском (VII, 2, 6).

В этом отношении «десять тысяч» не представляют какого-нибудь исключения. Захват добычи, ограбление городов, продажа в рабство — характерная черта военных действий как до похода 401 г., так и после него⁶¹. Но в наемном войске стремление к обогащению приобретает еще большие размеры и значение. Деятельность наемника не определялась уже чувством гражданского долга. Это был человек, шедший на риск ради денег, война была его работой, и за нее он хотел и стремился получить все, что только можно было.

Таковы экономические условия, в которых существовали наемники. В их жизни экономический фактор играл большую роль, чем в гражданской армии. Он определял характер наемников, их мораль, отношения внутри войска.

Наемное войско не представляло единства. Если и устанавливались более тесные связи, то только внутри сравнительно небольших групп, обыч-

⁶⁰ Как велика могла быть эта добыча, свидетельствуют условия найма греков к Севту. Он рассчитывал расплачиваться деньгами, вырученными от продажи захваченной добычи. Ср. выплату жалованья из добычи: *Hell. Oxy.*, XVII, 4, а также *Xen.*, *Hell.*, III, 1, 28 — Деркилид; IV, 8, 21 — Дифрид; IV, 8, 30 — Фрасибул; V, 1, 24 — Телевтий. От продажи взятого в плен экипажа десяти сиракузских триер Ификрат получал 60 талантов для расплаты с наемниками — *Diod.*, XV, 47, 7.

⁶¹ Например, в «Киропедии» неоднократно высказывается мысль, что имущество побежденного принадлежит победителю, а добыча является наградой за мужество: I, 5, 9; II, 1, 17; 3, 2; III, 3, 45; IV, 1, 20; 2, 26; VI, 2, 22; VII, 1, 12—13; 18 и 2, 11; см. также *Xen.*, *Hell.*, V, 1, 17; *Hell. Oxy.*, XVI, 6.

но этнически однородных. Вот иллюстрация отношения наемника к своему войску: когда однажды надо было перейти реку, и все были в затруднении, не зная, как осуществить переправу, один родосец предложил свои услуги, обещая переправить всех, но за награду в 1 талант (III, 5, 8—11). Во время одного из переходов по снегу на привале сидевшие у костров не пускали опоздавших, если они не давали им чего-нибудь за это (IV, 5, 5). В 373 г. наемники, спасаясь бегством, бросили на о. Коркира, наряду с хлебом, вином и рабами, больных воинов (Xen., Hell., VI, 2, 26). Это только отдельные факты, но они весьма характерны.

В наемной армии складываются новые отношения между командирами и воинами. В полисной армии характер отношений определяло то, что все были гражданами. Командир не имел никакой особой воинской власти над воином и в случае нарушения им дисциплины мог лишь после окончания похода привлечь его к ответственности, предав суду города. В наемной армии эти отношения становятся прочнее. У офицера-наемника, особенно ставшего профессионалом и потерявшего связь со своим полисом, не было ничего, кроме солдат, с которыми он связал свою судьбу. Вряд ли было преувеличением заявление Клеарха своим воинам: «Раз вы не хотите мне повиноваться, я последую за вами... Ведь вы являетесь для меня и отечеством, и друзьями, и соратниками, и не разлучаясь с вами, я буду в почете, где бы я ни находился, а без вас, думается мне, я не буду в состоянии ни оказать услугу другу, ни отомстить врагу» (Xen., Anab., I, 3, 6). Солдаты находятся в полной зависимости от стратега. Это обуславливает более высокую дисциплину в наемной армии⁶².

Но, с другой стороны, повиновение воинов-наемников очень непрочное, и целиком зависит от выплаты жалованья. Вот весьма показательное признание об отношении наемников к командиру: во время переговоров послов Фиброна с Севтом они высказали опасение, как бы Ксенофонт, пользующийся, по словам Севта, большой любовью солдат и умеющий привлекать их речами на свою сторону, не воспрепятствовал уходу войска. На что Гераклид, приближенный Севта, ответил, что если Хармин и Полиник, собрав солдат, пообещают им жалованье, то «они не очень-то будут о нем вспоминать и побегут» за ними (VII, 6, 5). Наемникам было все равно, кому служить. Их взгляды по этому вопросу определил Клеарх во время переговоров с Тиссаферном. Они очень просты: раньше Кир был силен. Наемники служили ему верно, надеясь на всяческие блага. Теперь силен Тиссаферн, и они готовы также верно служить ему (II, 5, 11—14).

Когда воины стали подозревать, что Кир ведет их не против писидийцев, возникло недовольство. Борьба с Тиссаферном или варварскими племенами представлялась менее рискованной и более верной, чем далекий поход против царя. Многие высказались за возвращение, но большинство лишь боялось продешевить, оказаться обманутыми, хотело за более трудный поход и получить больше⁶³. Киру, по словам одного из наемников (I, 3, 19), надо было убедить воинов идти с ним, и прибавка жалованья решила исход дела. Поход продолжался, хотя у некоторых осталось подозре-

⁶² Ксенофонт свой план улучшения афинской конницы привлечением в нее наемников аргументирует тем, что лакедемонская конница улучшилась с того времени, как в нее вошли наемники. И в других городах, по словам Ксенофонта, наемное войско пользуется доброй славой, потому что нужда возбуждает великое усердие: τὰ ξενικά ὄρω εὐδοκίμουτα ἢ γὰρ χρεῖα μεγάλην προθυμίαν συμβάλλενται — Xen., Hipp., IX, 3—4.

⁶³ Luciani (ук. соч., стр. 32) видит в неповиновении войска шантаж наемников, многим из которых было знакомо искусство получения надбавки.

ние, что их ведут против царя. В Тапсаке, где Кир объявил действительную цель похода, стало ясно, что все дело в деньгах. Солдаты заявили, что не пойдут с Киром, если им не дадут столько же денег, сколько получали участники прежнего похода Кира вглубь страны к Дарию, похода, принятого к тому же не с военными целями, а по вызову Кира отцом (I, 4, 11 — 13).

С гибелью Кира все надежды рушились. Воины ищут нового нанимателя, все равно — кого. Сначала греки хотят сделать заместителем Кира Ариеса и его посадить на персидский престол. После его отказа они предлагают свои услуги Артаксерксу для борьбы с мисийцами, писидийцами и другими народами. Особенно рекомендует Клеарх наемников для похода против египтян, которых, по его словам, не смогут покорить никакие другие силы, кроме греческого войска. Во время переговоров, которые ведутся через Тиссаферна, выясняется, что для сатрапа представляется удобный случай захватить царскую власть, опираясь на наемников (II, 5, 12—23). Попытки найти нового нанимателя среди персов ни к чему не привели.

Лишь только греки вышли к морю, вновь начинаются поиски нанимателя. Они готовы пойти за кем угодно. Стратеги Тимасий и Форакс обещают жалованье, и все согласны идти с ними (V, 6, 19 сл.). Из Трапезунда греки послали Хирисофа к наварху Спарты Анаксибию в Геллеспонт и очень разочаровались, когда Хирисоф прибыл только с триерами. Воины предполагали, что он привезет им что-нибудь (*ἀρχὸν τὴ σφίσιν ἔχειν*), но он вернулся лишь с обещанием Анаксибия платить им, когда они покинут Понт (VI, 1, 16). Вторично Анаксибий обещает платить солдатам жалованье, если они переправятся в Геллеспонт (VII, 1, 3). Платы он не дал, а приказал грекам покинуть Византий, якобы для того, чтобы произвести подсчет, но затем велел стратегам вести войско в Херсонес, где оно получит деньги. Обманутые солдаты вторглись в Византий, причем они, по словам Ксенофонта, предлагали своему командиру взять власть в городе, опираясь на них. «Теперь, — говорили они, — ты можешь обогатить нас, если пожелаешь, а мы возвеличим тебя» (VII, 1, 15 сл.) — вполне возможный случай установления тирании.

Вновь солдаты оказались без нанимателя, и здесь появляется фиванец Койратид⁶⁴, который странствовал по Элладе, хотя и не был изгнанником: он мечтал стать полководцем и предлагал свои услуги всем городам и народам, нуждавшимся в стратеге. Это — тип командира-профессионала, нанимавшего войско и готового служить кому угодно, новый⁶⁵ для рассматриваемого времени, но впоследствии получивший широкое распространение. Греки готовы следовать за Койратидом до места назначения, получая лишь продовольствие, в надежде на богатую добычу. Но когда стали раздавать запасы, выяснилось, что продуктов не хватит даже для того, чтобы прокормить всех воинов в течение одного дня, и Койратид должен был уйти, отказавшись от своих планов. Перед нами пример того, что для набора войска нужно было обладать определенными средствами.

⁶⁴ Х е п., Анаб., VII, 1, 33 сл.; о Койратиде известно, что во время Пелопоннесской войны он командовал в Византии в 411—408 гг. беотийской частью гарнизона, гармоном которого был Клеарх — Х е п., Hell., I, 3, 15. Он сдлся афинянам во время предательского захвата города с другим стратегом Геликсом и был отослан в Афины, но, когда сходил с корабля в Пирее, скрылся и бежал в Декелею — Х е п., Hell., I, 3, 21—22.

⁶⁵ Ср. Фалина из Закинфа, бывшего в чести у Тиссаферна, так как он выдавал себя за человека, опытного в военной тактике и в искусстве биться в тяжелом вооружении. Х е п., Анаб., II, 1, 7 и 10 сл.; 2, 1.

Наконец, греки поступают на службу к Севту. Наемники рады, что нашли, наконец, человека, который будет платить им. Но Севт постоянно задерживал плату. Отношения между ним и греками все более обострялись. Между тем силы Севта очень выросли за счет местных племен, он стал тяготиться беспокойным греческим войском и был рад избавиться от него, когда пришли послы от Фиброна с предложением о найме. Греки нанимаются на службу к спартанцам (VII, 6, 7—8; 8, 24).

Наемники всегда были готовы бросить одного нанимателя и перейти к предлагающему большую плату. Еще до начала Пелопоннесской войны и Перикл и коринфяне допускали возможность того, что Спарта переманит от афинян моряков-наемников (Thuc., I, 121, 3; 143, 1—2). Прибавки одного оболы оказалось вполне достаточно. Лисандр на пиру у Кира добился увеличения оплаты моряков до 4 оболы, в результате чего очень скоро, как говорит, конечно, несколько преувеличивая, Плутарх, вражеские корабли опустели. Большая часть команды перешла к тому, кто больше платил, а оставшиеся перестали быть усердными и бунтовали, доставляя только ежедневные неприятности своим стратегам (Xen., Hell., I, 5, 6 сл.; Plut., Lys., IV).

Между нанимателями и наемниками постоянно возникали конфликты из-за задержки⁶⁶ и невыплаты жалованья. Наемники переходили на сторону врага, отказывались повиноваться командирам, устраивали настоящие мятежи. Например, Ксенофонт угрожает Севту в случае неуплаты солдатам причитающихся им денег тем, что греки могут оставить его и начать помогать его врагам, фракийцам (Xen., Anab., VII, 7, 31—33). Демосфен в 351 г. жалуется на то, что наемные войска, «заглянув мимоходом туда, где ведется война нашим государством, предпочитают плыть к Артабазу и еще куда-нибудь в другое место, военачальнику же остается идти за ними — и естественно: нельзя же начальствовать, не платя жалованья»⁶⁷.

Во время Пелопоннесской войны, в 411 г. до н. э. вспыхнул мятеж в персидском флоте (Thuc., VIII, 83; 84, 1—3). В 403 г. спартанское войско, находившееся на о. Хиосе, не получая платы, летом кормилось плодами и тем, что нанималось за плату на полевые работы, но с наступлением зимы лишилось этого источника пропитания. Голодные, неодетые и необутые, наемники устроили заговор, решив попасть на Хиос (Xen., Hell., II, 1, 1—6). В 389 г. матросы отказались садиться на суда из-за невыплаты им жалованья Спартой (V, 1, 13). Особенно опасные размеры принял мятеж в наемном войске персов в 395 г. (Hell. Oxy., XIV—XV). Число примеров можно значительно увеличить.

Таково было экономическое положение греческих наемников на рубеже V и IV вв. до н. э. в Малой Азии. Наемники в предшествующее время имели небольшое значение. В IV в. до н. э. роль их сильно возрастает. «Анабазис» в известной мере представляет начало этого процесса.

История греческого военного дела до этого времени не знала набора такого большого числа наемников (более 13 000). Правда, в ближайшее время после похода 401 г. до н. э. наемные отряды также были сравнительно невелики, и в этом отношении войско Кира стоит несколько особняком.

⁶⁶ Задержка жалованья — постоянное явление в истории наемничества. Xen., Anab., I, 2, 11; VII, 5, 4; 7, 25. Сюжетом многих примеров Псевдо-Аристотелевой экономики является изобретение средств для расплаты с войском: [Arist.], Oec., B, II, 8; 10; 11; 16, 2; 23, 1—3; 24; 26; 27; 29; 30, 1; 37; 39; 40; см. также Polyaeu., III, 9, 59.

⁶⁷ Дем., IV, 24. Демосфен, Речи (пер. С. И. Радцига), М., 1954.

Причину этого следует искать в той обстановке, которая сложилась к концу V в. до н. э. Совсем недавно окончилась Пелопоннесская война, продолжавшаяся 27 лет. Многие солдаты за это время утратили связь с родиной. Некоторые отвыкли от повседневного труда земледельцев, ремесленников и предпочли опасную жизнь воинов. У других не было средств, чтобы вернуться к прежним занятиям или начать новую жизнь. В таких условиях Кир мог без труда сформировать нужное ему войско⁶⁸.

Рынок для найма еще не был развит. По словам Исократ, в это время, еще не было отрядов наемников (οὐκ ἦν ξενικὸν οὐδέν), и нуждающийся в войске должен был тратить большие средства на подарки тем, кто набирал воинов, чем на оплату самих воинов (V, 96). При формировании войска Киру пришлось воспользоваться личными связями. Проксен, Софенет и Сократ, которые нанимали для него солдат, были ξένοι Кира (Xen., Anab., I, 1, 11). Кир, кроме того, использовал политическую борьбу в греческих полисах. 2000 греков нанял для него Клеарх⁶⁹, бывший тиран Византии (I, 1, 9). В формировании наемного войска Кира принял участие фессалиец Аристипп, на родине которого происходили междоусобные распри (I, 1, 10). Развитие наемничества приводит к возникновению отрядов воинов-профессионалов во главе с командирами, готовых пойти на службу к кому угодно и куда угодно, лишь бы им платили.

«Анабазис» рисует наемничество в переходный период: у наемников Кира было еще много общего с наемниками времени Пелопоннесской войны, но в то же время выступают уже новые черты, характерные для IV в. до н.э. Новыми чертами, характеризующими процесс развития наемничества в IV в., являются рост неимущих среди наемников и распространение в связи с этим планов колонизации и оседания на землю, увеличение числа изгнанников, большая этническая пестрота. Наемники Кира интересны, в частности, именно тем, что у них, как мы пытались показать, можно обнаружить все эти черты, но еще сравнительно мало развитые. Свое развитие они получают в IV в. в связи с изменениями в социально-экономической и политической жизни.

IV в. до н. э. для греческих полисов был временем кризиса, порожденного общими закономерностями развития рабовладельческого способа производства. Развивается рабство, изменяются отношения собственности. И в сельском хозяйстве, и в ремесле происходит разорение неимущих масс населения. Гражданская община разлагается, а вместе с ней разлагается и гражданское ополчение. Все меньше свободных могут найти себе применение. В связи с этим растет абсолютное число наемников, а среди них увеличивается процент неимущих по сравнению с предшествующим временем.

Исократ и Демосфен вполне определенно связывают наемничество с бедностью. Исократ пишет, что многие из-за недостатка средств становятся наемниками: πολλοὺς δὲ δι' ἐνδεῖαν τῶν κατ' ἡμέραν ἐπιχορηγεῖν ἀναγκάζομένους (IV, 168). Отмечая происшедшие за первую половину IV в. до н. э. изменения в наемничестве, Исократ указывает, что если около 400 г. до н. э. наемников надо было рекрутировать из граждан, то в середине IV в. до н. э. их было легче набрать из бродяг (ἐκ τῶν πλανομένων — V, 96). Согласно Демосфену, многие охотно пошли бы на службу в качестве наемников, чтобы что-нибудь получить и, таким образом, освободиться

⁶⁸ У Диодора не возникает никаких сомнений относительно того, что наемники Кира были участниками Пелопоннесской войны (XIV, 23, 4).

⁶⁹ Интересно отметить продолжительность службы упоминаемых Исеом наемников, срок службы которых известен: Никострат — 11 лет (IV, 8), Хариад — 17 лет (IV, 29), Астифал — 23 года (IX, 14).

от своей теперешней бедности: *ἰν'εὐτορίαν τιν' ἕκαστος ἑαυτῷ κτησάμενος, ἀπ'ἀλλαγῇ τῆς ὑπαρχούσης πένιας* (XIV, 31).

Если в начале IV в. Кир или Дионисий должны были при найме сулить солдатам большое жалованье и богатые дары, то в 351 г. Демосфен был уверен, что сможет нанять воинов, оплачивая им только часть жалованья (2 обола) с тем, чтобы остальное они дополняли грабежом (IV, 28—29).

Как уже отмечалось, среди наемников Кира была группа солдат, которые хотели осесть в Малой Азии. Аналогичная картина наблюдается в Сицилии, где большинство наемников было тоже из Греции. Историки ничего не сообщают о стремлении воинов Дионисия или Диона вернуться домой. Напротив, желая обеспечить верность своих наемников, Дионисий отдает им для поселения захваченные города. Так, после взятия Леонтин он поселил в них десять тысяч наемников (Diod., XIV, 78, 2—3), наемникам он отдал Тавромений (XIV, 96, 4).

В связи с обезземеливанием планы колонизации в IV в. развиваются. В частности, Исократ рассказывает, что по стране из-за бедности (*δι' ἐνδεῖαν τῶν καὶ θ' ἡμέραν*) бродят многие греки (V, 120; VIII, 24). Причину этого явления он видит в недостатке земли и считает, что выходом является захват новых земель и основание городов. В речи «О мире» Исократ говорит о необходимости захватить часть земель Фракии, чтобы основать здесь города и помочь грекам, которые находятся в нужде и из-за бедности бродят с места на место (VIII, 24). Еще в 380 г. до н. э. в «Панегирике» он выдвигает идею похода на Персию, которая становится одной из основных во всей его деятельности. Исократ призывает Филиппа возглавить поход на Восток, чтобы захватить земли, поселить там бездомных, которые бродят по всей Греции, бедствуя сами и принося вред другим (V, 120—122). Под этими бездомными, наряду с другими, Исократ подразумевает и наемников.

Рост противоречий между богатыми и бедными обостряет социальную борьбу в городах, сопровождавшуюся изгнанием победившими своих противников. Борьба эта осложняется внешними событиями, многочисленными войнами. Число изгнанников в течение IV в. растет⁷⁰. Возрастает и их количество среди наемников. Разумеется, многие после изгнания не теряли связь друг с другом и продолжали борьбу за свое возвращение. Однако часть изгнанников становилась наемниками. Источники называют мессенцев в 403 г. (Diod., XIV, 34, 2—3; ср. Hell. Оху., XV, 3), Конона у персов (Diod., XIII, 106, 6; XIV, 39, 1—3), возможно, милетян у Тиссаферна (Polyaen., VII, 16, 1; ср. Xen., Anab., I, 2, 2), Калиппа, одного из друзей Диона (Plato, Ep., VII, 333e—334c; Diod., XVI, 31, 7; 36, 5; Plut., Dion., 54—57), Клеарха из Гераклеи, будущего тирана (Just., XVI, 4—5), Атромета, отца Эсхина (Aesch., II, 147). Несомненно, число наемников-изгнанников было больше, чем прямо указано в источниках. Не всем изгнанникам удавалось вернуться на родину, после возвращения возникали многочисленные тяжбы относительно конфискованного имущества, и далеко не все получали его обратно⁷¹. Они разоря-

⁷⁰ Isocr., IV, 168; V, 96. В 324 г. указ Александра о возвращении изгнанников собралось услышать более 20 000 человек, Diod., VIII, 8, 5. См. также E. V. Rieu, Political refugees in Ancient Greece from the period of the tyrants to Alexander the Great, Johannesburg, 1943, стр. 30 сл.

⁷¹ Например, декреты об имуществе изгнанников: из Митилеи — OGIS, I, № 2; M. N. Tod, A Selection of Greek Historical Inscriptions, II, Oxf., 1948, № 201; Терей — там же, № 202; см. также Xen., Hell., V, 2, 10 и M. J. Finley, Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500—200 B. C., New Brunswick, 1951, стр. 247, прим. 13 и 14 и стр. 255.

лись и были вынуждены покидать родной город и искать счастья в наемной службе на чужбине.

Таким образом, в результате роста противоречий между богатыми и бедными, развития рабства, бесконечных войн и внутренней борьбы греческое наемничество к концу IV в. до н. э. достигает значительного развития. Начало этого процесса можно видеть на примере наемников Кира, которые имеют еще много общего с наемниками Пелопоннесской войны, но их отличают уже и новые черты, характерные для дальнейшего развития наемничества. О том, какое значение приобретает наемничество в IV в., свидетельствует хотя бы следующий пример: в 351 г. Демосфен в своем плане формирования боеспособного войска, которое не зависело бы от наемников и не включало большого числа их, предлагал три четверти этого войска составить из наемных солдат, а лишь одну четверть из граждан (IV, 21). С развитием наемничества тесно связано возникновение поздней греческой тирании, одного из характерных явлений века кризиса полиса.

